

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ СТРАТЕГИИ КИТАЯ

Гагик Арутюнян, Андраник Ованнисян***

Ключевые слова: Китай, «мир иероглифов», «китайские шахматы», конфуцианизм, АТР, «Восточный триумвират».

Ранее нами было отмечено, что разрушение монополярного миропорядка происходит в турбулизированном, хаотичном режиме и приводит к фрагментации глобального политического, военного и экономического пространства [1]. Вместе с тем, несмотря на, казалось бы, полное смешение жанров в гибридных реалиях, происходящие ныне процессы имеют свою специфику в зависимости от этнических и цивилизационных особенностей того или иного региона. В этом контексте заслуживают внимания развития в Восточной Азии, происходящие при самом активном участии «старшего брата» этого региона – Китая.

«Алеет восток»

Известно, что с недавнего времени экономический и политический центр в глобальном пространстве, благодаря впечатляющему росту совокупных ресурсов Китая, заметно сместился на восток. Достаточно отметить, что за последние 20 лет ВВП этой страны вырос примерно в 13 раз и, по данным МВФ, превысил \$12 трлн. Не менее внушительны достижения и в научно-технологической сфере, на которые в 2016 году КНР выделил примерно \$400 млрд., что составляет 25% от общемировых затрат¹ (см. также [2]). Этим успехам Китай обязан тому, что, сохранив в качестве

* Исполнительный директор Научно-образовательного фонда «Нораванк».

** Эксперт Научно-образовательного фонда «Нораванк».

¹ 2016 Global R&D funding forecast. A Supplement to R&D Magazine. Winter, 2016.

стержня национально-консервативные установки (обобщенно назовем их конфуцианскими), сумел в известной мере сочетать преимущества социалистической и либеральной идеологий [3]. К тому же, эта страна проводит политику, опираясь на богатые традиции китайской стратегии, которая интерпретируется как «захват будущего», в которой, в свою очередь, понятие времени интерпретируется совершенно иначе, чем это принято в западных цивилизациях. В этом контексте можно высказаться в том духе, что в то время, когда мировая «шахматная доска» превращается в «арену для кикбоксинга», китайцы по мере возможности стараются играть в оригинальные китайские шахматы – «*Сянцзы*», с правилами и логикой которых знакомы далеко не все. Эта игра имеет много общего с обычными шахматами, но играют в нее трое на доске шестиугольной формы. Как правило, в китайских шахматах слишком велика вероятность дисбаланса, когда двое объединяются против одного. Однако для того, чтобы ликвидировать данный пробел, было введено правило игры до первого мата: партия заканчивается, как только поставлен мат одному из игроков, победителем считается только поставивший мат, а проигравшим – не только тот, кому поставили мат, но и третий игрок.

Естественно, что перечисленные выше факторы тревожат геополитических конкурентов Китая, в первую очередь США, которые, в частности, поставили КНР впереди всех в качестве угрозы в своей принятой недавно стратегии национальной безопасности. В современных гибридных реалиях эта обеспокоенность мирового лидера проявляется действиями практически во всех сферах.

«Симметричная торговая война»

Как известно, товарооборот КНР с США достигает \$600 млрд., а китайский экспорт превышает американский в несколько раз. Поэтому, в полном согласии со своим новым курсом на протекционизм собственных производителей, США ввели высокие пошлины на множество китайских товаров. В ответ КНР пишет жалобы в ВТО и отвечает той же монетой – поднимает пошлины на импортируемые американские товары, ведет пе-

реговоры с США и параллельно вытесняет эту страну из проектов по тихоокеанскому сотрудничеству и проводить экономическую экспансию посредством проекта «один пояс – один путь». Заметим также, что в последнее время эти державы стремятся найти решения для спорных экономических проблем путем переговоров.

Все это говорит о том, что в экономической сфере, несмотря на присутствие элементов китайской специфики, конкуренция между КНР и США протекает примерно в симметричном режиме. Вместе с тем нельзя исключить, что все это – только начало. В этом контексте весьма тревожным симптомом для Вашингтона, с его огромнейшим внешним долгом, является стремление Пекина продавать нефтяные фьючерсы за юани. Возможно, следующим «китайским» шагом станет переход на золотой паритет в международных расчетах, что может развалить Бреттон-Вудскую систему, на которой держится вся американская экономика¹. Между тем очевидно, что такое развитие приведет к глобальному экономическому коллапсу, что существенно повлияет и на КНР, которая, кстати, инвестировала в американские активы примерно \$1,2 трлн. Поэтому, скорее всего, процессы в этом направлении будут протекать в режиме «угроза сильнее исполнения».

Однако, вне зависимости от возможных сценариев будущего, следует констатировать, что в глобальной экономике у США впервые за очень долгие годы появился мощный конкурент, и такая непривычная ситуация является для Вашингтона серьезнейшим вызовом. Противостояние же КНР – США в военно-политической сфере, в отличие от экономической, протекает в весьма специфичном и несимметричном режиме, что также является для Вашингтона весьма неприятным обстоятельством.

Партия в «Сянцы» на «корейском фронте»

Известно, что Китай ведет территориальный спор с Японией вокруг острова Сенкаку в Восточно-Китайском море. Примерно такая же обстановка

¹ См., например, *Золото как туз в рукаве*, <http://inosmi.info/zoloto-kak-tuz-v-rukave.html>.

в Южно-Китайское море, где китайцы оспаривают с Вьетнамом права на Парсельские острова. В этих давних спорах США достаточно недвусмысленно поддерживают соответственно Японию, Вьетнам и других фигурантов, однако противостояние в целом происходит вполне в китайском духе: КНР размещает ракеты на спорных территориях, строит искусственные острова, ведет длительные и обстоятельные переговоры со своими оппонентами, и все это делается в полном соответствии с китайской философией, практически не учитывающей временной фактор.

Иная ситуация сложилась на Корейском полуострове, где информационно-дипломатическая конфронтация между КНДР и США может перейти в «горячую фазу» и тем самым непосредственно угрожать КНР. Создается впечатление, что сегодня основное внимание китайцев сосредоточено именно на этом «фронте», где во время кровавой корейской войны 1950-1953гг. погибло около 4.5 млн. (в их числе – 1 млн. китайцев). Однако противостояние между корейскими государствами тогда не закончилось и, принимая разные формы, продолжалось до недавнего времени. Естественно, что в этих развитиях не только США, но и КНР принимала самое непосредственное участие. Ситуация особенно обострилась уже в наше время, в связи с ракетно-ядерной программой КНДР и эмоциональными выпадами новой американской администрации в сторону Пхеньяна. Между тем, мало кто сомневается, что Северная Корея своими успехами в разработке современных видов вооружения не в последнюю очередь обязана Китаю. Сухопутная граница протяженностью примерно в 1500 км между этими странами весьма способствовала процессу передачи соответствующих технологий северокорейцам, которым в китайской внешней политике предназначена роль жесткого, так называемого «плохого следователя».

Вопрос корейского ядерного оружия, по всей видимости, был дополнительно актуализирован по ходу пресловутой «арабской весны», когда некогда суверенные страны были погружены в так называемый «управляемый хаос», а некоторые их лидеры, по западным меркам - проблематичные, были демонстративно казнены. Уже тогда аналитики отме-

чали, что подобного финала можно было избежать лишь в том случае, если бы эти страны обладали ядерным оружием или же могли бы, как иранцы, оперативно создавать такое оружие. Поэтому вовсе не удивительно, что именно в этот период КНДР, на фоне информационного и психологического давления, важным элементом которого являлись демонстративные военные учения американского флота, приступила к созданию собственных ракетных – ядерных сил как средства сдерживания возможных силовых и мягких (в виде «цветных» революций) притязаний.

Так или иначе, но в самый разгар обвинений со стороны Вашингтона, когда многие уже рассуждали в терминах ядерной войны, Пхеньян неожиданно начал весьма эффективную «олимпийскую дипломатию» с Южной Кореей. Стало очевидно, что Пекин наряду с военными технологиями передает Пхеньяну также и политические, которые пропитаны стратегическими идеями Сунь-Цзы и принципами игры в *«Сянцзы»*. Неудивительно, что после визита в Пекин Ким Чен Ын заявил также о прекращении ракетно-ядерных испытаний. В итоге воинственная риторика Вашингтона и Сеулом с Пхеньяном трансформировалась в дипломатический процесс, в повестке которого намечается и встреча Ким Чен Ына с Дональдом Трампом.

Характерно также, что в процессе встреч корейских лидеров и высокопоставленных лиц был декларирован не только план денуклеаризации полуострова, но и анонсирована идея объединения Кореи. В этой связи заметим, что определенная часть южнокорейского общества, согласно некоторым соцопросам, достаточно лояльно относится не только к КНДР, но и к ее ядерной программе (что, в принципе, не удивительно). Заметим также, что Пхеньян, начиная с 2012г., проводит также политику либерализации собственной экономики, очень напоминающую реформы в Китае на начальном этапе правления Ден Сяопина¹, т.е. в этой политике также много «китайских рецептов». Исходя из этих трендов, можно предположить, что идея объединения корейских государств не столь уж и фантастична.

¹ <http://www.webeconomy.ru/index.php?page=cat&newsid=1883&type=news>.

Нельзя также исключить, что при реализации подобного сценария это новое государство войдет скорее в сферу влияния Китая, нежели США.

Очевидно, что возможность такого развития прогнозируют также американские стратеги, и именно в этом контексте следует воспринимать то, что в самый разгар переговорных процессов США заявили о своем намерении проводить очередные совместные военные учения с Южной Кореей. Эта инициатива, естественно, вызвала резкую реакцию Пхеньяна и поставила под удар весь переговорный процесс. Однако надо полагать, что китайское своеобразное и глубокое стратегическое мышление позволит найти решения и в этой новой ситуации.

Между интеграцией и фрагментацией

Вместе с тем, несмотря на крупные успехи в экономике и в политике, Китай оказался не в состоянии в полной мере противостоять глобальному тренду фрагментации глобального миропорядка, который охватил регион [1]. Об этом свидетельствует напряженность как внутри «мира иероглифов» (Китай, Япония, Северная и Южная Кореи, Тайвань и Сингапур), так и натянутые отношения между странами окружающего Китай большого региона. Однако КНР прилагает энергичные усилия для выправления положения дел, и неудивительно, что в середине нулевых ряд политических экспертов стали активно обсуждать вопрос о возможном формировании мощного военного альянса в Восточной Азии, где главная роль будет принадлежать Пекину. Тема эта получила международный резонанс после трехсторонней встречи представителей КНР, Японии и Южной Кореи в рамках саммита *АСЕАН + 3* в 2004г., проходившего во Вьетнаме¹. В ноябре 2007г. эти же государства провели совместную встречу, в ходе которой был поднят вопрос об укреплении политического диалога и консультации между тремя странами. В период с 2008 по 2010 гг. между ними прошли переговоры, по итогам которых, в сентябре 2011г. в Сеуле было подписано соглашение о создании Трехстороннего секретариата сотрудничества (*ТСС*), в котором Генеральный секретарь назначается на двухгодичной ос-

¹ Официальный сайт АСЕАН, <http://asean.org/asean/asean-member-states/>.

нове в следующем порядке: Южная Корея, Япония и Китай. Каждая страна, кроме страны Генерального секретаря, назначает своего заместителя Генерального секретаря. В консультативный состав секретариата входят высокопоставленные представители всех трех государств на равносторонней основе: президенты, премьер-министры и главы МИД.

В 2012г. КНР, Япония и Южная Корея пришли к соглашению о создании Зоны свободной торговли между тремя странами с дальнейшей интеграцией со странами *АСЕАН* [4]. Ежегодно главы и министры этих стран проводят совместные встречи, развивая сотрудничество в различных сферах. Создание в 2011г. совещательного органа имеет весьма значимый региональный, и даже мировой фактор, с которым будут вынуждены считаться ведущие государства мира. Об этом свидетельствуют суммарные ресурсы КНР, Японии и Южной Кореи¹ 2015-2016гг., которые представлены на *Таблице 1*.

Таблица 1

Площадь	Население	ВВП (\$)	Экспорт	Военный бюджет	Численность войск
10 млн. км ²	1,6 млрд. чел	\$18,6 трлн.	\$3,2 трлн.	\$297,2 млрд.	3,1 млн. чел

Несомненно, дальнейшее развитие такого тесного трехстороннего сотрудничества принесет большую пользу всем трем ведущим государствам Восточной Азии. На их долю уже сейчас приходится более 60% общей региональной торговли, 22% от общей численности населения земного шара и 75% ВВП Азии, что составляет более 25% мирового ВВП². Эти страны активно развивают тесное торгово-экономическое и культурно-гуманитарное сотрудничество, но насколько реалистично развитие военно-политического сотрудничества между «восточноазиатским триумvirатом»? Попробуем ответить на этот вопрос, опираясь на исторические предпосылки и современное состояние миропорядка, затронув наиболее уязвимые критические инфраструктуры между данными государствами.

¹ Статистические данные стран мира, <http://mostinfo.su/665-statisticheskie-dannye-stran/>.

² Официальный сайт Трехстороннего секретариата сотрудничества (ТСС), <http://tcs-asia.org/>.

- *Исторический фактор.* Между тремя странами существуют серьезные исторические разногласия, которые оставили незабываемый след в их отношениях даже на современном этапе. В частности, речь идет об агрессии имперской Японии в восточноазиатском регионе в XIX-XXвв., а также то, что конфуцианская идеология Поднебесной относит данные народы к категории «фань» («варвары» или «вассалы»). Более того, между тремя государствами существуют территориальные разногласия.
- *Позиция США.* Хорошо известно, что Вашингтон имеет сильное военно-политическое влияние на Сеул и Токио. Военные базы США располагаются на территории данных государств, которые в вопросе безопасности своего суверенитета опираются именно на Вашингтон.
- *Китай против военных союзов.* КНР является наблюдателем в международной организации, объединяющей 120 государств мира на принципах неучастия в военных блоках – «Движение неприсоединения». На протяжении последних 50 лет Китай всячески пытается отстраниться от создания или участия в военных блоках. Это курс, который еще в конце 1970-х годов был начат архитектором китайских реформ Ден Сяопином [5]. Сегодня Китай придерживается политики наблюдения за той конфронтацией, которая происходит между ведущими мировыми державами – Россией и США.

Учитывая приведенные выше факторы в контексте возможного военно-политического сотрудничества между Пекином, Токио и Сеулом, можно предположить, что перспективы такого альянса туманны. Данные государства будут и дальше развивать тесные торгово-экономические отношения на равносторонней и компромиссной основе. Вместе с тем, с учетом современных международных процессов, в частности, известными разногласиями между Пекином и Вашингтоном, не исключено, что под вопросом могут оказаться и тесные экономические отношения между КНР, Японией и Южной Кореей. Более того, Пекин озадачен вопросом размещения американцами ПВО близ своих границ, в Южной Корее и

Японии¹. Такая позиция Сеула и Токио, несомненно, деструктивно влияет на дальнейшую интеграцию между тремя ведущими восточноазиатскими государствами.

На сегодняшний день Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) включает в себя до 40% мирового ВВП и около 60% мирового товарооборота, а, по мнению ведущих экономистов, к 2030г. доля ВВП стран АТР от общемирового может достигнуть до 70%. Темпы прироста экономических показателей этого наиболее динамично развивающегося региона ежегодно оцениваются в более чем 5%. Помимо этого, государства АТР являются крупнейшими экспортёрами и импортёрами высоких технологий. Однако каких-либо серьёзных военно-политических альянсов без участия США в регионе не существует. Вашингтон является основной преградой в формировании тесных военно-политических интеграционных объединений в восточноазиатском регионе. Попытки предыдущей администрации США во главе с Б.Обамой установить новый мировой порядок, в котором ведущими глобальными актёрами стали бы Вашингтон и Пекин, естественно, под определённым предводительством Соединённых Штатов, натолкнулись на несговорчивость Пекина. Есть все основания полагать, что, несмотря на все популистские предвыборные лозунги, президент Д.Трамп продолжит политику «по сдерживанию» Китая. Наряду с этим масштабные торгово-экономические отношения между Пекином и Вашингтоном являются главным связующим звеном для развития взаимного стратегического доверия. Представляется, что следующие три пункта окажутся наиболее разумными инструментами политики Вашингтона в рамках подхода по «сближению» с Пекином:

- использование форматов ТЭС (Азиатско-Тихоокеанское сотрудничество) и других региональных саммитов для налаживания доверительных отношений между двумя странами;
- приложение усилий в переговорах по «Двустороннему инвестиционному договору»;

¹ Ованнисян А., США-Китай: переосмысление стратегии или пролонгирование политики «сдерживания», http://www.diplomat.am/load/andranik_oganisjan/1/41-1-0-819.

- отказ от «Транстихоокеанского партнёрства» для налаживания двусторонних отношений с Пекином.

Большинство стран Восточной и Юго-Восточной Азии по-прежнему продолжают полагаться на Вашингтон как на главного гаранта региональной безопасности, а Пекин воспринимается ими как возможность экономического развития. По этой причине для Вашингтона необходимо, чтобы между Пекином и его региональными союзниками сохранялась некая политическая напряженность, чтобы данные страны продолжали видеть именно США в качестве «гаранта региональной безопасности». Несмотря на отказ от «Транстихоокеанского партнерства» (TPP), Вашингтон, сохраняя свой беспрецедентный военный потенциал в регионе, продолжит укрепление и развитие давних политических и экономических двусторонних отношений со всеми странами, которые ранее заявили о своём желании присоединиться к этой организации. Инструментом для такой политики является втягивание КНР в конфликты из-за спорных территорий в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях. Китай же, в свою очередь (как это отмечено в предыдущих разделах данной статьи), противопоставляет американской политике свою специфичную стратегию. Все это указывает на то, что «большая игра» между США и КНР, по всей видимости, будет растягиваться еще довольно долго.

Вместе с тем, в современных реалиях, в политических процессах важное значение приобрели отношения обществ разных стран друг к другу, и к этому вопросу мы обратимся ниже.

Вопрос союзников

В 2016г. *Gallup International* в рамках проекта «Конец года» (*End of the Year*)¹ провел масштабный опрос, в ходе которого респондентам в 68 странах мира был задан следующий вопрос: «Какую из шести стран с наибольшим военным потенциалом – США, Китай, Россия, Франция, Вели-

¹ <http://gallup-international.bg/en/Publications/2015/254-WIN-Gallup-International%E2%80%99s-annual-global-End-of-Year-survey-reveals-a-world-of-conflicting-hopes,-happiness-and-despair>.

кобритания и Индия – Вы бы предпочли выбрать своим союзником в случае военного вторжения в Вашу страну?».

Как следует из результатов этого опроса (см. Таблицу 2), среди обществ первых 8 стран, отдавших предпочтение в этом вопросе Китаю, первое место занял Пакистан. Это вполне естественно, так как пакистанцы во многом обязаны КНР созданием собственного ракетно-ядерного оружия, благодаря чему и вступили (как и впоследствии КНДР) в клуб «неприкасаемых». К тому же, только в 2017г. Китай инвестировал в экономику Пакистана примерно \$46 млрд¹. Более того, тесные китайско-пакистанские отношения необходимо рассматривать в контексте противоречий между Пекином и Нью-Дели, витки напряженности которой неоднократно переходили в военные действия между КНР и Индией в XX веке.

Таблица 2

КИТАЙ		
1	Пакистан	72%
2	Россия	44%
3	Таиланд	29%
4	Афганистан	22%
5	Нигерия	21%
6	Палестинские территории	17%
7	Сербия	16%
8	Парагвай	16%

Второе же место России в таблице обусловлено высокой оценкой находящегося в известной степени политической изоляции российского общества того факта, что у КНР близкая с РФ позиция по целому ряду актуальных международных проблем. Именно такими же мотивами можно интерпретировать 7-ое место ориентированного на Россию сербского общества. Однако отметим, что в российском экспертном сообществе, наряду с тем, что многие аналитики ратуют за наращивание сотрудничества РФ с КНР, существуют и иные подходы к этому вопросу. Ряд экспертов полагают, что Китай представляет как военную, так и экономическую по-

¹ См., например, «Дружба крепче стали. История отношений Китая и Пакистана», <http://www.warandpeace.ru/ru/reports/view/108566/>.

тенциальную угрозу для России¹. В этом контексте стоит обратить внимание на то, что согласно *Gallup International*, среди стран, которые предпочли бы выбрать в случае войны своим союзником Китай, США занимает 15-ое место (с 14%). Это свидетельствует о том, что представители американского общества помнят, как в относительно недавнем историческом прошлом именно партнерство между США и КНР, сформированного во многом благодаря миссии Г. Киссинджера в 1971г. в Пекин, существенно укрепило позиции США и КНР, и тем самым расшатало геополитические позиции СССР².

Особо стоит вопрос с Таиландом. Кроме чисто экономических связей (Таиланд входит в тройку партнеров Китая среди стран АСЕАН), здесь большую роль играют и военно-стратегические факторы. Ведь в случае обострения конфликта с Японией из-за группы островов возможен сценарий, когда корабли 7-го флота США могут перекрыть Малаккский пролив. В этом случае единственными воротами в Южно-Китайское море для КНР может стать Тайский канал (стоимостью около \$30 млрд.) через перешеек Кра, строительство которого находится в стадии планирования.

Положительное отношение части общества Афганистана (4-ое место в таблице) к Китаю также обусловлено экономическими и политическими действиями КНР в этой стране. Достаточно отметить, что за последние годы Пекин выделил \$3,5 млрд. на разработку медных шахт в Афганистане, а во время визита в Афганистан в 2014г. министр иностранных дел Китая Ван И подчеркнул, что неустойчивая ситуация в Афганистане угрожает стабильности западного Китая (Синьцзяна) и в целом другим соседям страны³.

¹ См., например, *Храмчихин А.*, Почему необходимо обезопасить восточные границы России, http://nvo.ng.ru/concepts/2018-02-09/1_983_why.html; *Шлындов А.*, Под боком у России появилась армия мирового уровня: Москве необходимо принимать во внимание растущие амбиции Пекина, http://nvo.ng.ru/realty/2018-03-23/1_989_china.html?utm_source=infox.sg; *Месянянко А.*, Китайский аналог НАТО выдавит РФ из Центральной Азии, <https://utro.ru/articles/2016/03/17/1274692.shtml>.

² К отношениям между РФ и КНР мы более подробно обратимся в последующих за данной статьей публикациях.

³ *Шоде Д.*, Китай – творец афганского мира.

URL: <http://inosmi.ru/world/20150513/228017528.html>

Весьма любопытно, что в обществе Нигерии многие симпатизируют Китаю. Связано это тем, что в рамках своей африканской стратегии Китай уделяет большое внимание этой стране. Пекин, будучи одним из основных импортеров нефти из этой страны, вкладывает большие средства не только в сферу нефтепромышленности, но и на улучшение транспортной инфраструктуры, медицины и вооружения нигерийской армии¹. Эти факторы в совокупности обуславливают восприятие Китая как союзника в нигерийском обществе.

Приверженность же палестинцев КНР имеет политические мотивы, так как Пекин является сторонником принципов «два государства для двух народов» и полного замораживания строительства в поселениях Иудеи и Самарии. Пекин также декларирует, что Восточный Иерусалим должен быть объявлен столицей палестинского государства в «границах 1967 года»².

Потребность же КНР в сырьевых ресурсах привела к резкому росту товарооборота со странами Латинской Америки и в этом контексте следует объяснить появление Парагвая в восьмерке стран в таблице³. Повышенный взаимный интерес Китая и Парагвая обусловлен также и тем, что последняя входит в число тех государств мира, которые официально признают суверенитет Китайской Республики (Тайвань). Исходя из этого, Пекин делает крупные инвестиции в Парагвай с целью снизить, а то и обнулить уровень парагвайско-тайванских отношений.

Вместе с тем, как следует из результатов опроса, среди обществ первых 8 стран, отдавших предпочтение в вопросе союзничества Китаю, нет ни одной страны из «мира иероглифов» (в КНДР опрос не проводился). Обратим внимание также на то, что в первой восьмерке на таблице стра-

¹ Дикин Р., Нигерия – чем больше нефти, тем больше Китая, <http://www.chinaroslogistics.com/nationalnews/niger-neft/>.

² Зеэв Ханин, Израильско-китайский вектор, или зачем Пекину Ближний Восток, http://mnenia.zahav.ru/Articles/9210/zachem_pekinu_blijny_vostok.

³ Борзова А., Особенности отношений КНР и стран Латинской Америки на современном этапе. <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-otnosheniy-knr-i-stran-latinskoj-ameriki-na-sovremennom-etape>.

ны ШОС представлены только Россией и Пакистаном, а общество ближайшего соседа Китая – Монголии, занимает первое место среди стран, которые в качестве союзника в случае войны видят Россию.

Некоторые выводы

Из изложенных выше наблюдений и анализа фактов можно сделать следующие предположения:

- Параллельно стремительному и комплексному развитию Китая существенно обостряются отношения Пекина с Вашингтоном, который является основным конкурентом КНР не только в АТР, но и в глобальном экономическо-политическом пространстве.
- В контексте китайско-американского противостояния Пекин проводит эффективную политику мягкой силы с целью усиления своего влияния. Вместе с тем подобная политика пока не трансформируется в военные альянсы, а иногда и встречает сопротивление как внутри «мира иероглифов», так и в мире целом из-за актуализации синдрома «желтой опасности».
- В обозримом будущем Пекин, следуя принципам своего метаполитического мирознания, будет стремиться придерживаться к уравновешенной, т.н. «невзрачной позиции» в публичной политике, оставляя за собой свободу действий в «аполитичной стихии повседневности». В политическом отношении все это выглядит как игра в «китайские шахматы», во время которой необходимо сохранять баланс сил и нейтралитет, что весьма актуально в современном хаотичном, с трендом на фрагментацию, мире.

Май, 2018г.

Источники и литература

1. Арутюнян Г., Фрагментированный или «довестфальский» миропорядок, http://www.noravank.am/rus/articles/detail.php?ELEMENT_ID=16546; Арутюнян Г., Фрагментированный или «довестфальский» миропорядок // «Глобус», #2(91), с. 5, 2018г. (на арм.яз.).

2. Արությունյան Գ., Մարձջանյան Ա., Духовно-технологические ресурсы и вопросы союзничества в гибридных войнах // 21-րդ ԵԵԿ, 4(45), 2017.
3. Արությունյան Գ., Идеология – критическая сфера в гибридных войнах // Геополитика и Безопасность #4(40), с. 113, 2017; Արությունյան Գ., Критические инфраструктуры и идеология // 21-րդ ԵԵԿ, #2(43), с. 5, 2017; «Информационная безопасность», под редакцией Арутюняна Г. (на арм. языке), с. 168. – Ереван, 2017 թ.
4. Matsukawa R., The Tripartite summit: results and prospects of development. – Tokyo, 2014.
5. Choe S., China, Japan and South Korea Pledge to Expand Trade at Joint Meeting. – Tokyo, 2015.

**ՉԻՆԱՍՏԱՆԻ ՌԱԶՄԱՎԱՐՈՒԹՅԱՆ
ՈՐՈՇ ԱՌԱՆՁՆԱՀԱՏՎՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ՄԱՍԻՆ**

Գազիկ Հարությունյան, Սևդյանիկ Հովհաննիսյան

Ամփոփագիր

Չինական քաղաքակրթությունը համարվում է աշխարհի հնագույն քաղաքական, տնտեսական և մշակութային քաղաքակրթություններից մեկը: Չինաստանին ժամանակի որոշակի ընթացքում հաջողվել է գերիշխել միջազգային ասպարեզում, սակայն Միների կայսրության կործանմամբ՝ 1911թ. վրա հասավ ժամանակավոր «մայրամուտը», որն ընդհատվեց Դեն Սյաոպինի վճռորոշ բարեփոխումներով անցյալ դարի 1970-ական թթ. վերջին: Այդ բարեփոխումները նպաստեցին ՉԺՀ նոր ուղեգծի ընդունմանը՝ «Չինական երազանք» ընդհանուր անվանմամբ: Հողվածում հեղինակներն ուսումնասիրում են ՉԺՀ ակտիվ արտաքին քաղաքականությունն Արևելյան Ասիայում և ԱԽՕՏ տարածաշրջանում, ռազմաքաղաքական և տնտեսական դաշինքների ձևավորման հնարավորությունները Պեկինի հովանու ներքո, ինչպես նաև երկրի ներքին ու արտաքին այն խնդիրները, որոնք խոչընդոտում են «Չինական երազանքի» իրականացման ճանապարհին:

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ СТРАТЕГИИ КИТАЯ

Гагик Арутюнян, Андраник Ованнисян

Резюме

Китайская цивилизация входит в число древнейших политических, экономических и культурных центров мира. Китаю в определенные промежутки времени удавалось доминировать на международной арене, однако с крахом Цинской империи в 1911г. наступил временный закат, прерванный судьбоносными реформами Дэн Сяопина в конце 1970-х годов прошлого века. Эти реформы способствовали принятию нового курса КНР под общим названием «Китайская мечта». В данной статье авторами исследуется активная внешняя политика КНР в Восточной Азии и в регионе АТР, возможности формирования военно-политических и экономических альянсов под покровительством Пекина, а также внутренние и внешние проблемы Поднебесной, которые стоят камнем преткновения на пути реализации «Китайской мечты».

ABOUT SOME PECULIARITIES OF CHINA'S STRATEGY

Gagik Harutyunyan, Andranik Hovhannisyan

Resume

The Chinese civilization is one of the oldest political, economic and cultural centers of the world. This civilization has managed to dominate on the international arena at certain intervals of time; however, with the collapse of the Qing Empire in 1911, a temporary decline occurred, which was interrupted by the fateful reforms of Deng Xiaoping in the late 1970s. These reforms contributed to the adoption of a new course of the PRC under the general title of "The Chinese Dream". The article attempts to examine the PRC's active foreign policy in East Asia and the Asia Pacific, the possibilities of forming new military-political and economic alliances under the auspices of Beijing, as well as the internal and external problems of the Celestial Empire, which stand as a stumbling block to the attainment of the "The Chinese Dream".